

NASHI VESTI

№ 2-3/1987

(ISSN 0273-8505)

JUNE/SEPTEMBER 1987

Second-class postage paid at West Milford, N.J. 07480

43-Й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 407-408

ИЮНЬ/СЕНТЯБРЬ 1987

К 50-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ПАТРИАРХА СЕРБСКОГО ВАРНАВЫ (РОСИЧА)

Юрий МОРФЕССИ

Я ПЕЛ ПЕРЕД ГОСУДАРЕМ

На кронштадтском рейде отдала якорь мощная английская эскадра. Молодой, талантливый адмирал Битти, краса и надежда британского флота, был гостем Русского Императора. Пышно праздновался этот медовый месяц англо-русской дружбы, да и самое слово «дружба» произносилось чуть ли не впервые.

Прием был не просто официально-восторженный нет, — холодный, равнодушный к политике Петербург проявил чисто славянское гостеприимство к сынам туманного Альбиона. Адмирала Битти с его эскадрой положительно на руках носили. Обеды, рауты, чай, спектакли и зрелища, зрелища без конца...

Петербургская городская дума устроила грандиозный чай. Как великолепно был декорирован зал с портретами царей! Какие оргии тропических растений на лестницах и в парадных комнатах! Одна из этих комнат была пышно убрана в русском стиле. Это было устроено для меня, как подобающая рамка для моего выступления перед гостями, которых я должен был познакомить с нашей русской песней.

И под аккомпанимент моих неизменных спутников Саша Макарова и де-Лазари я пел без конца перед адмиралом Битти, его штабом и офицерами его эскадры. Положительно без конца, так как англичане, вошедшие во вкус, не хотели меня отпускать. Мало кто из них владел русским языком, мало кто понимал смысл романсов и песен, но голос мой, экспрессия, передача не только удовлетворяли британских моряков, но возбуждали в них самый подлинный экстаз.

Англичане вошли в раж. Аплодисменты, выкрики, топот ног, покрасневшие лица... Я изнемог, пересохло в горле, пот катил градом, и моя поддевка, русская малиновая рубашка моя — все хоть выжми!

А когда я умолк, — заговорило шампанское. Пили за Государя Императора, пили за Короля Георга, за Россию, за Англию, за русский флот, за великобританский.

Здорово пили крепкие, вытрезненные в спорте и в алкоголе английские моряки, но и мы не посрамили земли русской, в особенности же Саша Макаров, являвший собою поистине бездонную бочку. Эта бочка спокойно и бесстрастно поглощала несметное количество самой варварской смеси.

тета, проф. Доброхотов, в статье «Исповедуя правду»****) писал: «Мы убедились, что только правдой можно завоевать доверие наших подопечных, постоянно его поддерживать и развивать... Ни улучшать, ни ухудшать историю нельзя. Подобного рода перекосы вызывают недоверие у молодежи к общественным наукам. Об этих настроениях сообщают и вопросы студентов».

Об этих же настроениях сообщают и вопросы читателей, направляемые решительно во все советские периодические издания. От них, этих вопросов, никому не уйти. Также, как не уйти большевикам и от сурового, но справедливого суда истории. Никакая «перестройка», ни «гласность», ни «демократизация» не спасут коммунистический режим от его естественного конца, когда он, даст Бог, в самом недалеком будущем канет в Лету.

Пр. ТЕРСКИЙ

****) «Правда» от 19 февраля с.г., стр. 3.

Смутно помню, как мы покинули особняк Городской думы, но помню, что пальмы в кадках и экзотические растения чудились мне первобытным тропическим лесом с тиграми, обезьянами, носорогами и прочим его населением...

На утро я проснулся хотя и с не совсем свежей головой, но в отличном настроении. На душе было празднично. Я решил дать себе заслуженный отдых и поехать на скачки.

Но судьба распорядилась иначе. Утром — телефонограмма. Изысканно вежливый голос, с чисто военной чеканкой слов. Дежурный офицер сообщил мне следующее:

— Вы, господин Морфесси, приглашены петь на яхте «Полярная Звезда» в присутствии Их Величеств. Благоволите вместе с вашими аккомпаниаторами пожаловать к восьми часам вечера к Николаевскому мосту, где вас будет ждать миноносец, который немедленно вас доставит на Кронштадтский рейд.

Неведомый мне дежурный офицер был для меня вестником необъятной радости. Я не хотел верить, что через несколько часов буду петь перед Государем в такой интимной обстановке, как яхта Их Величеств. Весьма понятное волнение овладело мной. Надо было подготовиться в ускоренном темпе и репетировать вплоть до момента, когда я выеду с квартиры на Каменноостровском проспекте к Николаевскому мосту.

Надо было немедленно мобилизовать моих верных Аяксов — Сашу Макарова и де-Лазари с их незаменимыми, непревзойденными гитарами. Заработал телефон. Саша Макаров тотчас же откликнулся своим низким, похрипывающим голосом, но с де-Лазари дело обстояло далеко не так благополучно. После вчерашнего загула в думе он скрылся «в неизвестном направлении» и где-то лежал пластом, с головой туго обтянутой полотенцем.

Грузный Саша Макаров был уже у меня, уже брал

ОТ РЕДАКЦИИ

В «Наших Вестях», в № 338 за август 1974 г. была помещена заметка Н. Протопопова «Непримиримый певец», которую тогдашний редактор Д.П.Вертепов сопроводил следующим примечанием: «С удовольствием помещаем этот очерк, т.к. Юрий Морфесси во время 2-й мировой войны служил в Русском Корпусе в качестве артиста группы «К.Д.Ф.» («Крафт дурх фройде»). Эта группа ездила в расположение наших полков. Нахождение Морфесси в рядах Корпуса было несомненно по патриотическим побуждениям».

Настоящий очерк взят нами из книги Ю.С.Морфесси «Жизнь, Любовь, Сцена» (Воспоминания русского баяна), Изд-во «Старина», Париж 1931 г. Заголовков нет.

В данном номере (на стр. 38) мы печатаем также очерк артиста драмы Г.Томина «Прифронтовый театр Русского Корпуса». В очерке имен никаких нет, но мы постараемся в одном из ближайших номеров эти имена дать. А пока лишь скажем, что, кроме Юрия Морфесси, жертвенно служили в «К.Д.Ф.» ныне пок. артистка драмы Л.Д.Авчинникова и певец-композитор С.Н.Франк, расстрелянный в Югославии после войны. ■

переливчатые аккорды, а беспутного де-Лазари нет, как нет! Я разнервничался, посылая его ко всем чертям и призывая на его голову громы и молнии.

Тут в качестве гения-хранителя интересов своего патрона выступил мой «мажордом», Николай Сурин, лилипут, ростом с пятилетнего мальчика, умом же—дай Бог убежденному сединой старцу.

— Юрий Спиридонович, я их разыщу!

Встретив мой скептический взгляд, миниатюрный мажордом с незыблемой уверенностью повторил:

— Я их беспрерывно разыщу!—и даже притопнул ножкой.

И, действительно, через час с небольшим Николай доставил мне бледно-зеленого де-Лазари с томным после кутежа лицом. Я первым делом прописал ему холодную ванну, опохмелив его большой рюмкой Мартелевского коньяка. И закипела работа.

К вечеру весь репертуар был заново пройден и мы смело могли предстать перед нашим Государственным слушателем.

Николаевский мост. Миноносец. Огни Кронштадта. Изящная, стройная яхта «Полярная Звезда». Силуэты Великих княжен и Цесаревича на палубе. Кают-компания, где нас радушно встретил флаг-капитан адмирал Нилов. Тут же был Великий князь Кирилл Владимирович с супругой, министр Двора граф Фредерикс, флигель-адъютант полковник Дрентельн, остальные лица государевой свиты и все офицеры яхты...

Вошел Государь с Великими Княжнами. Все заняли места и началась трапеза. За столом служили матросы Гвардейского экипажа, красавицы-великаны, с громадными руками в белых перчатках.

Я в первый раз имел возможность близко и долго наблюдать Государя. Он как-то вдруг очаровывал, подкупал и своей внешностью, и своей благородной простотой. И чем дальше, тем это впечатление усугублялось. Нельзя было оторваться от его мягких фиолетовых глаз, с каким-то необыкновенным разрезом, которого я никогда больше ни у кого не видел.

Я сидел напротив Государя, имея справа и слева от себя Кирилла Владимировича и Викторину Федоровну...А когда я начал петь, тотчас же за мною устроились со своими гитарами Саша Макаров и де-Лазари.

Покидая кают-компанию, Государь, пожав мне руку, поблагодарил за доставленное удовольствие. Затем, всматриваясь в меня, сказал:

— Какая у вас, однако, память! Вы помните наизусть весь текст ваших романсов. Это удивительно!

— Привычка, Ваше Императорское Величество,—ответил я.

— Bravo, bravo!—И после некоторой паузы, Государь продолжал: — Где мы с вами виделись в последний раз?

Я уже собирался ответить, но Государь быстро закончил:

— Это было год назад, в Царкосельском театре, шла оперета «Нищий студент» и вы играли «нищего студента»

— Так точно, Ваше Величество.

Этикет не позволял мне изумляться необыкновенной памяти Государя, много лучшей, чем моя.

Государь удалился, а мы все остались, и я еще долго пел в кают-компании. Да, флаг-капитан Нилов, провожавший Государя и потом вернувшийся, уловив минутку, сообщил мне:

— Государь в восторге от вашего пения. Вы удостоились еще небывалой для артиста чести: вы при-

Донской казак в Лондоне

В связи с 175-летием Отечественной войны 1812 года в музее истории Донского казачества в Новочеркасске выставлен портрет казака А.Землянухина. Несмотря на почтенный возраст, он вместе с двумя сыновьями принимал активное участие в боевых действиях. А когда потребовалось послать гонца с важным донесением в Лондон, то выбор пал на него.

Колоритный облик казака с пикой, дротиком, саблей и ружьем вызвал восторг англичан. Лондонцы осыпали его на улицах цветами, а наследный принц хотел подарить крупную сумму денег, но казак отказался: «Есть у нас старейший обычай: не одалживаться у чужеземцев. А лучше самим помогать им в нужде. Поэтому прошу вас, господа, понять, что денег мне ваших не надобно. Спасибо вам за ласку, будем-ка лучше жить в добром согласии». Отказался Землянухин и от предложения остаться в Англии, получить в подарок дом, обзавестись хозяйством.

В театре королевский хор исполнял песни, сочиненные в честь казака, массовым тиражом разошелся портрет Землянухина с надписью «Ужас Бонапарта». Англичане попросили оставить им для музея казачье снаряжение, а в обмен по приказу короля изготовили саблю, дротик, ружье, стальную пику, два пистолета, сумку для патронов, широкий ремень. В присутствии тысяч лондонцев кавалерийский отряд показал приемы казачьего боя, разведки и даже приготовления каши.

Во время вручения Землянухину в Вестминстерском дворце английского ордена спикер палаты общин сказал: «Вы видите перед собой донского казака из числа тех русских воинов, которые привели в ужас изверга Наполеона и истребили его непобедимую армию. Мы должны отдать дань таким воинам, их мужеству и жертвам. Героический пример этого великого народа должен всегда нас вдохновлять».

«ОГОНЕК»

глашены на императорскую яхту в шхеры, и в течение трех дней будете гостем Их Величеств. Вас своевременно известят обо всем.

Офицеры Гвардейского экипажа, мои друзья Мясоедов-Иванов, Мочульский, Карташев и другие горячо поздравляли меня: после этой поездки в шхеры, я, имея Государевы подарки, несомненно удостоюсь высокого звания солиста Его Величества.

Это было 17 июня 1914 года. 17-го июля меня вызвал в Петергоф флаг-капитан Нилов для вручения Царской милости. При этом был фиксирован день отхода императорской яхты в шхеры.

Но, увы, 19-го июля была объявлена война...

Поездке в шхеры не суждено было осуществиться...

Еще подробностей. На следующее утро после этого концерта, перед государевой яхтой проходила кильватерной колонной эскадра адмирала Битти, покидавшая русские воды. Оркестры исполняли русский гимн на всех военных английских кораблях. Мощные дредноуты развили такую сильную волну, что легкая Императорская яхта закачалась как в бурю.

За пение на «Полярной Звезде» я удостоился Высочайшего подарка—запонок с бриллиантовыми орлами.

Юрий МОРФЕССИ